

DOI: [10.14515/monitoring.2021.5.964](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.964)

А. П. Страхов

ФАКТОРЫ УСПЕХА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Правильная ссылка на статью:

Страхов А. П. Факторы успеха антикоррупционной политики в постсоциалистических странах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 242—264. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.964>.

For citation:

Strakhov A. P. (2021) Success Factors of Anti-Corruption Policy in Post-Socialist Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 242–264. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.964>. (In Russ.)

ФАКТОРЫ УСПЕХА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

*СТРАХОВ Александр Петрович — кандидат политических наук, проректор по учебно-методической работе, Академия медиаиндустрии, Москва, Россия; докторант программы DBA, Instituto de Empresa, Мадрид, Испания
E-MAIL: alex50108@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2800-7437>*

Аннотация. Статья посвящена проблеме антикоррупционных реформ в бывших социалистических государствах, имевших во многом схожие стартовые условия от социализма к рынку и демократии. Однако как сам процесс, так и его результаты существенно различаются от страны к стране. Это позволяет, сравнивая динамику политико-экономических изменений, выявить наиболее важные факторы, повлиявшие на ситуацию с коррупцией и на действенность антикоррупционных мер. Автор обосновывает гипотезу о существенном влиянии на антикоррупционные реформы новейшей истории политических и экономических преобразований в бывших соцстранах. В качестве ключевых выделяются блоки внешне- и внутривнутриполитических, экономических и общественных факторов развития изучаемых стран за последние три десятилетия. Новым является анализ взаимодействия инерционных и эволюционных составляющих в формировании антикоррупционной политики. Статья дополняет корпус исследований, посвященных особенностям борьбы с коррупцией в постсоциалистических странах.

SUCCESS FACTORS OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN POST-SOCIALIST COUNTRIES

*Alexander P. STRAKHOV^{1,2} — Cand. Sci. (Polit.), Vice-Rector for Educational and Methodical Work; DBA Program Doctoral Student
E-MAIL: alex50108@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2800-7437>*

¹ Academy of the Media Industry, Moscow, Russia

² Instituto de Empresa, Madrid, Spain

Abstract. The paper studies the anti-corruption reforms in former socialist countries, which had quite similar starting conditions for a transition from socialism to the market economy and democracy. However, both the process itself and its results differ significantly across countries. This allows to identify the most important factors that influenced the situation with corruption and the effectiveness of anti-corruption measures by comparing the dynamics of political and economic changes. The author defends the hypothesis about the significant impact of the recent history of political and economic transformations in the former socialist countries on anti-corruption reforms. A number of foreign and domestic political, economic, and social aspects are identified as key factors of the countries' development over the past three decades. The novelty of the study relates to the analysis of the interaction of inertial and evolutionary components in the formation of anti-corruption policy. The paper contributes to studies on the features of combating corruption in post-socialist countries.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, постсоциалистические страны, рейтинг коррупционности, антикоррупционная политика, антикоррупционные реформы

Keywords: fight against corruption, post-socialist countries, corruption rating, anti-corruption policy, anti-corruption reforms

Введение

Несмотря на множество научных исследований по теме коррупции, актуальным остается вопрос, почему одни государства весьма успешны в борьбе с ней, а другие — нет. Особое значение проблема коррупции приобрела для стран бывшего соцлагеря, испытавших за короткое время мощные трансформационные процессы. При этом сравнительный анализ антикоррупционной политики в постсоциалистических государствах выступает относительно новым направлением научных исследований.

Подходы к объяснению различий между странами в уровне коррупции можно условно разделить на две группы. К первой группе относится подход, ставящий во главу угла историко-культурные факторы коррупции, ко второй — политические и социально-экономические факторы. Первые более инерционны, формируют долгосрочные тренды в развитии общества и связаны с традициями, ценностями, ментальными установками. Вторые же более подвержены реформированию и затрагивают институциональную и политико-экономическую жизнь общества. Возникает вопрос, каким образом можно преодолеть негативную инерцию развития. Опыт бывших соцстран показывает, что сами реформы могут способствовать тому, что исторически обусловленные проблемы общества начинают проявлять себя еще сильнее.

В данной статье предлагается следующая гипотеза. Разница между бывшими соцстранами по показателям коррупции и эффективности мер по борьбе с ней лишь частично определяется исходными условиями, в том числе культурно-историческими. Важную роль играет динамика экономического и общественно-политического развития, которая имела место после краха прежней системы.

Для проверки гипотезы были проанализированы ключевые составляющие антикоррупционной политики в ряде постсоциалистических стран. Анализ выполнен методом сопоставления позиций стран в международных индексах коррупции с результатами их трансформации по четырем направлениям: политические институты и законы; ход экономических реформ; внешнеполитическое влияние; поддержка антикоррупционных усилий в обществе. На основе проведенного анализа сформулированы ключевые различия антикоррупционной политики между разными группами постсоциалистических стран.

Новизна исследования заключается в его сфокусированности на истории политико-экономического транзита бывших соцстран как факторе, определяющем характер и результаты антикоррупционной политики. Статья дополняет имеющиеся в этой области не столь многочисленные исследования, которые преимущественно фокусируются на отдельных государствах и культурно-исторических факторах их развития.

Работа состоит из двух частей. В первой дается краткий обзор исследований по детерминантам коррупции, а также специфике переходных экономик и бывших соцстран. Здесь же определены группы исследуемых стран с точки зрения успешности их в борьбе с коррупцией, описаны источники данных и методика исследования. Во второй части проанализированы особенности антикоррупционной политики и даны обобщающие характеристики по каждой из страновых групп.

Исследования факторов и уровня коррупции

Основные детерминанты коррупции

Исследователи используют различные подходы для описания факторов, определяющих уровень теневых связей в обществе, среди которых можно выделить две основные группы. В рамках первой коррупция объясняется особенностями истории, традиций и культуры. Сюда относятся сложившийся в обществе набор ценностей, неформальных правил игры и норм, поведенческих установок и проч. Такого рода историко-культурные факторы обладают инерционным началом и формируют определенный вектор развития общества, в том числе в области борьбы с коррупцией. Вторая группа включает в себя различного рода институциональные, социальные и экономические факторы, которые, в отличие от историко-культурных оснований, гораздо легче поддаются изменениям в результате усилий по реформированию. Например, к детерминантам коррупции относят уровень благосостояния, образование, экономическую свободу, политическую конкуренцию и т. д. [Montinola, Jackman, 2002].

Примером исследовательского подхода в рамках первой группы выступает анализ исторических оснований коррупции, когда она рассматривается в значительной мере как следствие инерции предшествующего развития. Так, распространен взгляд на злоупотребления чиновников как продукт национальной культуры [Salmon, Serra, 2017: 77—78]. Считается также, что большое значение для транспарентности имеет такой компонент культуры, как религия, на что указывал еще Макс Вебер, чьи идеи были развиты последующими исследователями [Banfield, 1967; La Porta et al., 1999]. Теневые практики в подобной трактовке представлены в качестве проявления особенностей национального менталитета, традиций и социальных норм [Abbink et al., 2018: 473—474; Минаева, 2010: 57]. Вместе с тем имеются и доказательства того, что «прокоррупционные» культурные установки могут быть ослаблены [Barr, Serra, 2010].

Вторая группа исследований охватывает широкий круг коррупционных факторов — от политического режима до рыночного регулирования. Так, многие работы сосредоточены на политических и административно-институциональных аспектах данной проблемы [Shleifer, Vishny, 1993: 615—616; Iqbal, Shah, 2008: 8]. Пристальное внимание уделяется анализу влияния политической конкуренции на коррупцию [Montinola, Jackman, 2002: 167—170], а также ее взаимосвязи с формами государственного устройства и институтами [Gerring, Thacker, 2004: 295]. При этом утверждается, что эффективно работающие избирательная система и демократические институты могут сдерживать злоупотребления [Memoli, Pellegata, 2013: 23—26; Persson, Tabellini, Trebbi, 2003: 983—984].

Основания для распространения коррупции также видят в неэффективности госаппарата, проявляющейся в бюрократической волоките, слабости законодательной и судебной системы [Мо, 2001: 76]. Особое внимание уделяется роли специальных антикоррупционных институтов [Нисневич, 2014: 48]. Считается, что эффективная регуляторная политика, внедрение кодексов поведения и прозрачность госуправления могут снизить теневые практики [Dimant, Schulte, 2016: 72]. В ряде работ внимание концентрируется на экономических и социальных детерминантах коррупции. Причины различий в уровне коррупции между странами усматриваются, к примеру, в особенностях социальной стратификации общества [Alam, 1995: 432—433], а также в неравенстве доходов [Таушер и др., 2013: 8]. Распространение получили и представления о том, что коррупция выше в странах, зависимых от экспорта природных ресурсов, а также имеющих чрезмерный административный контроль над бизнесом [Treisman, 2007: 212—213].

В ситуации транзита от традиционных или авторитарных обществ к демократии реформы часто сталкиваются с противодействием инерции предшествующего развития. Данное явление изучалось, в частности, в теории организаций и нашло объяснение в концепциях инерционного развития (эффект колеи, или *path dependency*) и эволюционных/революционных изменений (*disruptive innovation*, или *big bang changes*). Применяя данный подход к анализу транзита, «эффект колеи» обычно соотносят с культурой, традициями и историей, а реформаторские усилия — с областью законов, институтов и экономических регуляций [Sandholtz, Taagepera, 2005].

Факторы коррупции в странах транзита

Проблема теневых связей имеет особую актуальность для обществ, переходящих от авторитаризма и командной экономики к демократии и рынку. Исследователи задаются вопросом, почему взяточничество в переходных обществах часто повышается с началом реформ. Связь между возрастом демократии и уровнем коррупции может приобретать перевернутую U-образную форму: в начале злоупотребления растут, и только по мере развития демократические институты начинают способствовать подавлению коррупции [Montinola, Jackman, 2002]. Была обоснована гипотеза, что устойчивый положительный антикоррупционный эффект демократических институтов проявляет себя лишь после их более чем 40-летнего существования [Treisman, 2000]. Кроме того, борьба со злоупотреблениями может быть эффективной и при некоторых формах авторитаризма, как, например, в Сингапуре [Суворин, 2008].

Процесс транзита к демократии затрагивает множество сфер жизни общества: политику, право, экономику, религию и массовую культуру. В результате реформ страна получает новое общественно-политическое устройство, которое в зависимости от эффективности трансформации будет радикально отличаться от прежнего или, наоборот, сохранит его типические черты. Упрощая, можно сказать, что в этот период в обществе борются инерция прежнего развития с реформистскими усилиями, которые могут преодолеть или, напротив, усугубить старые негативные явления. В этой области исследователи отмечали важность изменения поведенческих стандартов традиционной культуры [Линецкий, 2017: 130] и их сближения с привносимыми извне нормами [Kingston, 2008].

Иллюстрацией может служить история антикоррупционных реформ в Индии и Сингапуре. Изначальные условия в этих странах были во многом схожи. В их культурах, с одной стороны, имелись выраженные традиции толерантности к неформальным связям. С другой стороны, обе страны прошли через британское колониальное правление, что относится к факторам, уменьшающим злоупотребления через имплементацию британских законов и институтов, а также проникновение английского языка, культуры и образования [Treisman, 2000: 426—427].

Индия после приобретения независимости пошла путем укрепления государства, опираясь на местные элиты и оставаясь в русле национальных традиций. В результате она стала самой большой по численности населения демократией в мире, однако, несмотря на многолетние усилия правительства, взяточничество осталось повсеместным [Riley, Roy, 2016; Pring, 2017: 14]. Сингапур выбрал иной путь, и ситуация радикально поменялась, хотя до реформ злоупотребления пронизывали всю административную систему страны [Астафьева, 2016: 53]. Искоренение злоупотреблений стало возможным благодаря тому, что Сингапур, не имея сильного правящего класса и ведомый решительными реформаторами, пошел на радикальные нововведения, которые изменили не только его политику и экономику, но и культуру [Ли, 2010].

Опыт Индии и Сингапура демонстрирует, что различия в реформах даже при сходных стартовых условиях могут дать радикально разные результаты в борьбе с коррупцией [Страхов, 2019: 490]. Он также показывает, что культурно-историческое наследие и «эффект колеи» хотя и значимы, но вполне преодолимы. Дополнительные свидетельства дает история разделенных народов, например Китая и оказавшихся в орбите западного влияния Тайваня и Гонконга. Если в КНР коррупция признана в числе главных социальных и политических проблем [He, 2000: 243], то две другие страны достигли гораздо более конкретных успехов в области борьбы с коррупцией¹.

Таким образом, опыт предшествующего развития и культура не обязательно определяют результат борьбы с коррупцией, хотя и привносят национальную специфику. Важным фактором является то, каким образом в ходе транзита развивались процессы политической и социально-экономической трансформации.

Транзит в постсоциалистических странах

Реформы в постсоциалистических обществах отличает необходимость масштабных изменений не только в общественно-политической сфере, но и в экономике. Авторитарные режимы обычно не препятствуют рыночным отношениям и частной собственности, тогда как отказ от социализма требует формирование новой экономики. Особенно это характерно для бывших советских республик, где коммунистическая идеология господствовала значительно дольше.

Спецификой постсоциалистических стран считается и склонность их населения к коррупции. Это объясняется тем, что масштабные экономические реформы, особенно приватизация, давали возможность некоторым быстро обогатиться на фоне слабости новых институтов и исчезновения прежних ограничений [Kaufmann,

¹ Corruption Perceptions Index 2018. *Transparency International*. URL: <https://www.transparency.org/cpi2018> (дата обращения: 30.09.2021).

Siegelbaum, 1997]. Кроме того, имеются культурно-исторические обоснования предрасположенности постсоциалистических обществ к коррупции. К примеру, уровень коррупции в регионах РФ имеет значимую корреляцию с массовостью членства в КПСС в советские годы [Libman, Obydenkova, 2013], что позволяет предположить связь между склонностью населения к одобрению действующей власти и злоупотреблениями после ее падения. Свидетельства связи между социализмом и коррупцией нашлись и в рамках проекта World Values Survey, позволившего определить культурно-религиозные группы стран и давшего возможность проанализировать сходства и различия между государствами по множеству аспектов. Исследователями была установлена статистически значимая зависимость между социалистическим наследием и более высоким уровнем коррупции [Sandholtz, Таагерера, 2005].

Склонность постсоциалистических обществ к коррупции часто объясняется особенностями социализма, при котором она представляла собой обычное явление, выступая в качестве механизма преодоления препятствий, вызываемых бюрократическими препонами и хроническим дефицитом [Iwasaki, Suzuki, 2012]. Тем не менее социалистическое прошлое не обязательно ведет к тому, что страна оказывается обречена на коррупцию. Описанный ниже пример Грузии, некогда знаменитой своими «цеховиками» и «ворами в законе», свидетельствует о возможности успешного преодоления ограничений, предначертанных инерцией предшествующего развития.

Однако существует и немало противоположных примеров из истории трансформации государств бывшего СССР. Во многих из них коррупция, по сути, превратилась в механизм обеспечения стабильности, чему способствуют медленные и непоследовательные институциональные реформы и слабость гражданского общества [Лазарев, 2010].

Постсоциалистические страны в международных рейтингах коррупции

Уровень коррупции в разных странах отражают межстрановые измерения, среди которых наиболее известным является ежегодный рейтинг Transparency International Corruption Perceptions Index (CPI), измеряющий уровень восприятия коррупции в госсекторе. Его преимуществами являются широкий охват стран (в 2018 г. их насчитывалось 180) и универсальность, так как страны оцениваются экспертами по единообразной методике.

Также большое распространение получил Control of Corruption Index (CCI), который является одним из компонентов ежегодного рейтинга Worldwide Governance Indicators (WGI) Всемирного банка с охватом более 200 стран. Как и в случае с CPI, используемые в WGI индикаторы представляют собой агрегированные показатели, объединяющие мнения различных групп респондентов в развитых и развивающихся странах².

При всей важности международных рейтингов многие исследователи указывают на их недостатки [Ko, Samajdar, 2010: 508; Iqbal, Shah, 2008: 10], так как, будучи построенными на экспертных оценках, они отражают не реальную частоту

² The Worldwide Governance Indicators, 2019 Update // The World Bank. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home> (дата обращения: 30.09.2021).

коррупции, а субъективное мнение экспертов. Респонденты могут делать свои выводы на основе стереотипных представлений о некоторых обществах [Treisman, 2007: 212—213]. Кроме того, большинство международных индексов агрегируют устоявшиеся представления о национальной коррупции и слабо чувствительны к изменениям в данной сфере, особенно на коротких временных промежутках [Mungiu-Pippidi, Dadašov, 2016: 415—416].

В данной работе наряду с известными международными индексами используется также страновой рейтинг российской исследовательской группы «Центр открытости общества» (ЦОО). Он сфокусирован на антикоррупционной политике постсоциалистических стран, а его методика базируется на анализе программных документов, законов, отчетов международных организаций и мониторинга СМИ. В исследовании имеется и экспертный компонент, но он не является преобладающим. Оценка стран проводится по 30 показателям государственной политики в области борьбы с коррупцией и, что важно, с акцентом на истории реформ³. Ниже приводится сравнительная таблица трех исследований, в которую вошли 16 стран, присутствующих в каждом из рейтингов.

Таблица 1. *Последовательность стран в рейтингах измерения коррупции, 2018*

		ЦОО	CPI	WGI
1	лидеры	Эстония	Эстония	Эстония
2		Польша	Польша	Словения
3		Латвия	Словения	Грузия
4		Словения	Чехия	Польша
5		Грузия	Латвия	Чехия
6	среднячки	Чехия	Грузия	Латвия
7		Румыния	Румыния	Румыния
8		Македония	Беларусь	Беларусь
9		Россия	Македония	Армения
10		Казахстан	Армения	Македония
11		Молдова	Молдова	Казахстан
12		Беларусь	Украина	Молдова
13	аутсайдеры	Армения	Казахстан	Азербайджан
14		Украина	Россия	Россия
15		Азербайджан	Азербайджан	Украина
16		Узбекистан	Узбекистан	Узбекистан

Представленные данные позволяют сделать вывод, что оценки исследователей в целом достаточно близки. Наиболее заметным отличием выступает более

³ Рейтинг эффективности антикоррупционной политики // Центр открытости общества. 2018. 7 марта. URL: <http://opensociety.center/ru/2018/03//рейтинг-эффективности-антикоррупцию/> (дата обращения: 30.09.2021).

высокое место России в рейтинге ЦОО. Последнее связано с фокусом данного рейтинга на формальных показателях антикоррупционной политики, в то время как другие рейтинги ориентируются на оценки экспертов. В этом есть сходство с подходом Группы государств по борьбе с коррупцией (GRECO) — международной организации при Совете Европы. В своих оценках она больше ориентируется на документарные источники, нежели на их правоприменение, в результате чего Россия получает вполне удовлетворительные оценки GRECO, хотя ряд экспертов критикует такой подход⁴.

Указанные рейтинги позволяют выделить три группы постсоциалистических государств в зависимости от их активности в сфере борьбы с коррупцией. Данная классификация послужит рамками, в которых будет проведен анализ антикоррупционной политики бывших соцстран для проверки выдвинутой гипотезы.

Данные и метод

Статья базируется на нескольких видах источников информации. Во-первых, это научная литература и материалы международных организаций об антикоррупционной политике постсоциалистических государств. В качестве источников научной литературы использовались Web of Science, eLIBRARY.RU, а также электронная библиотека Instituto de Empresa. Материалы организаций по борьбе с коррупцией в большинстве своем имеются в открытом доступе. Это, к примеру, доклады в рамках Anti-Corruption Network OECD, документы GRECO, Transparency International и Всемирного Банка.

Во-вторых, источником информации стали опросные и рейтинговые базы данных, такие как World Values Survey, Entrepreneurial Survey, а также вышеперечисленные рейтинги CPI, WGI и ЦОО.

В-третьих, использовались посвященные теме борьбы с коррупцией материалы международных медиа и СМИ постсоциалистических стран, доступ к которым был получен через базу данных Factiva. Кроме того, источником сведений об истории и текущем состоянии борьбы с коррупцией в бывших соцстранах стали доклады ЦОО, основанные на анализе официальных документов, публикаций СМИ и интервью экспертов.

Методом исследования выбран сравнительный анализ позиций постсоциалистических стран в международных антикоррупционных рейтингах и особенностей их антикоррупционной политики по следующим направлениям:

- внешнеполитический контекст, выраженный во влиянии со стороны глобальных игроков — прежде всего Евросоюза, США, России и Китая;
- политическое измерение борьбы с коррупцией, то есть история и характер институциональных реформ, группировка политических сил в отношении данной проблематики и проч.;
- поддержка борьбы со взяточничеством в обществе;
- ход экономических изменений, влияющих на теневые связи в экономике, прежде всего эффективность и быстрота рыночных реформ.

⁴ Логвинова М. Живучая коррупция: почему России слабо помогает мониторинг ГРЕКО // РБК. 2020. 24 января. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/01/2020/5e2976869a79477d46b62fd7> (дата обращения: 30.09.2021).

В ходе анализа данных были выделены общие черты стран по указанным четырем направлениям среди вышеперечисленных групп («лидеры» — «среднячки» — «аутсайдеры»). Найденные особенности были обобщены в типический набор характеристик для каждой группы по каждому из четырех направлений. Таким образом был получен шаблон характеристик для постсоциалистических стран, по которому можно описать состояние их антикоррупционной политики и объяснить их попадание в соответствующую группу.

Постсоциалистическая трансформация и коррупция: формирование антикоррупционной политики в бывших соцстранах

Согласно рейтингам, среди постсоциалистических государств можно выделить три группы стран по степени их активности в борьбе с коррупцией. В группу лидеров попадают страны Центральной и Восточной Европы, в том числе страны Балтии, а также Грузия. Вторую группу формируют республики бывшего СССР, в том числе Россия и несколько менее успешных в этой сфере стран Восточной Европы. Третья группа с наиболее слабыми позициями — это закавказские и азиатские постсоветские государства, а также Украина.

Группа стран-лидеров

В числе лидеров в сфере борьбы с коррупцией среди постсоциалистических стран оказались Словения и Польша, а также государства Балтии. В начале 1990-х годов они начали активную работу по трансформации своих обществ по западноевропейским образцам, что потребовало кардинальных системных преобразований, в том числе и имплементации стандартов антикоррупционной политики в рамках жестких требований Евросоюза. Проводимые реформы сопровождались организационной и финансовой поддержкой извне. Было запущено множество программ по поддержке реформ в странах новой демократии, в том числе в области противодействия коррупции [Popescu, 2014: 154—158].

Драйвером этих преобразований стала нацеленность на западный вектор развития большинства населения. Еще во времена СССР эти части соцлагеря считались по образу жизни наиболее «прозападными». В них сохранялась историческая память о досоциалистических временах с демократией и рыночной экономикой, были популярны идеи избавления от коммунизма и т. д. [Скачков, 2017: 150]. Важным аспектом преобразований стало то, что пришедшие к власти политики придерживались в основном либеральных идей и настаивали на сломе всех институтов коммунистической системы [Гуселетов, 2011: 162—163; Kupatadze, 2017]. Одним из инструментов демонтажа советского наследия стала люстрация, которая была проведена в ряде стран [Нисневич, Рожич, 2014: 128]. Так, в Чехии в 1993 г. был принят «Закон о незаконности коммунистического режима и о сопротивлении ему», который возлагал на компартию ответственность за осуществление власти в 1948—1989 гг. В случае доказательства специальной комиссией активного сотрудничества с режимом виновные увольнялись из госструктур.

Тем не менее сложно привести много примеров радикального и быстрого снижения злоупотреблений. В лучшем случае наблюдался постепенный прогресс, который часто омрачался скандалами даже в самых благополучных в этом смысле

странах⁵. В этом отношении уникален опыт борьбы с коррупцией в Грузии. Эта страна испытывала, вероятно, самый глубокий среди всех республик бывшего СССР кризис переходного периода [Григорьев и др., 2019: 70], вдобавок отягощенный войной и потерей значительных территорий. При этом одним из барьеров на пути развития выступал высокий уровень коррупции, обусловленный помимо издержек переходного периода характерными для Грузии культурно-историческими особенностями. К ним относятся высокая доля теневого сектора экономики, традиции клановости, семейственности и т. д.

Во многом процесс кардинальных преобразований в Грузии стал возможен благодаря тому, что пришедшая к власти в результате «революции роз» коалиция значительно расширила конституционные полномочия президента [Леков, 2009: 23]. Причем граждане, уставшие от бедности и злоупотреблений, фактически дали новому руководству карт-бланш на решительные преобразования, отдав за Саакашвили 96,3% голосов в 2004 г. Одновременно в качестве приоритета внешней политики страна выбрала западный вектор [Пылин, 2013: 51], что способствовало внедрению западных стандартов, в том числе и в антикоррупционной сфере [Börzel, van Hüllen, 2014].

Новое грузинское правительство предприняло жесткие меры по повышению подконтрольности и эффективности госинститутов с масштабной «чисткой» кадрового состава силовых, исполнительных и судебных органов. При этом штат полиции был значительно уменьшен, а автоинспекция упразднена. Наряду с реализацией жестких и даже репрессивных действий были предприняты и стимулирующие меры: по некоторым данным, число госслужащих в публичном секторе Грузии сократилось вполтину, а зарплаты оставшихся чиновников выросли до 15 раз [Kupatadze, 2017].

В Грузии были проведены масштабные реформы по снятию бюрократических барьеров: упразднены требования нотариального заверения многих документов, разрешен импорт лекарственных препаратов из развитых стран без дополнительной сертификации и т. д. Значительные изменения коснулись сферы госуправления: упразднено антимонопольное ведомство, объединены налоговая и таможенная службы. Радикальные изменения затронули и систему госуслуг. Они в максимальной мере были переведены в цифровую форму, а для их оказания были созданы специальные центры, устранившие прямое взаимодействие заявителя с лицом, принимающим решение. Кроме того, была введена возможность официальной доплаты за преференции при получении госуслуг: за уменьшение сроков оформления документов, за «красивый» автомобильный номер и проч.

Обобщая данные по странам-лидерам, можно отметить такие важнейшие составляющие их успеха, как процесс вступления в Евросоюз, солидарная позиция властных элит и общества в отрицании всего советского и, наконец, быстрые и успешные экономические и социальные преобразования. Последние создали основу для формирования среднего класса и независимого бизнеса, которые являются значимыми акторами в борьбе с коррупцией. При этом национальные особенности и менталитет, хотя и оказывали влияние на антикоррупционную

⁵ Рейтинг эффективности антикоррупционной политики // Центр открытости общества. 2018. 7 марта. URL: <http://opensociety.center/ru/2018/03//рейтинг-эффективности-антикоррупцио/> (дата обращения: 30.09.2021).

повестку, далеко не всегда имели решающее значение. В качестве примера часто приводят две пары стран: Эстония — Латвия и Грузия — Армения, где парные страны, во многом сходные на старте, в результате реформ начинают все больше различаться, что в итоге делает похожими Эстонию с Грузией, а Латвию — с Арменией [Kupatadze, 2017].

Средняя группа стран

Во второй группе оказались менее успешные в области борьбы с коррупцией восточноевропейские страны, такие как Румыния и Македония. Они отстают от лидеров по разным причинам. К примеру, Македония как часть бывшей Югославии пережила болезненный распад единого государства, что ухудшило и результаты реформ, и криминальную обстановку, и моральное состояние общества. Румыния с высокой долей сельского населения обладает развитой системой неформальных связей, хотя сегодня ее уже называют перспективным «учеником в школе Евросоюза» [Биткова, 2017: 210]. Также во вторую группу вошли некоторые бывшие республики СССР, в том числе Россия. В отличие от государств первой группы, эти страны не были связаны жесткими международными обязательствами для вступления в ЕС, и отношение к советскому наследию в них было не столь негативным. Наконец, процессы постсоциалистической трансформации здесь были менее радикальными.

Страны этой группы весьма разнородны по своим политическим характеристикам. Например, Молдова отличается слабой президентской властью, оживленной политической борьбой и постоянным балансированием на грани очередной «революции». Она первой из стран бывшего СССР ввела парламентскую форму правления и пропорциональную избирательную систему [Медушевский, 2010: 164—165]. Находясь в орбите влияния Евросоюза (через Румынию), она активно внедряла ряд законодательных антикоррупционных мер. Тем не менее негативное влияние на борьбу с коррупцией здесь оказали наличие олигархических групп, экономические неурядицы и территориальный конфликт в Приднестровье.

Казахстан и Беларусь пошли по пути авторитарной модернизации с построением жесткой властной вертикали. Они осторожно относятся к принятию западных стандартов, ограничивают политические свободы, имеют проблемы с независимостью судебной власти. Вместе с тем эффективность борьбы с коррупцией в этих государствах можно оценить как значимую⁶.

Отдельно следует сказать про Россию, которую в экспертной среде принято относить к государствам с высоким уровнем коррупции [Наумов, Артемьев, 2008: 23]. К примеру, в рейтинге CPI за 2018 г. она заняла 138 место из 180, оказавшись на уровне таких стран, как Папуа — Новая Гвинея, Ливан, Иран и Мексика⁷. Однако мнения об исключительных злоупотреблениях в России могут быть скорректированы, в том числе по причинам, описанным выше в главе о рейтингах. При

⁶ Рейтинг эффективности антикоррупционной политики // Центр открытости общества. 2018. 7 марта. URL: <http://opensociety.center/ru/2018/03//рейтинг-эффективности-антикоррупцио/> (дата обращения: 30.09.2021).

⁷ Анализ выполнения Россией рекомендаций ГРЕКО по внедрению международных антикоррупционных стандартов // Трансперенси Интернешнл. Россия. 2019. 15 марта. URL: <https://transparency.org.ru/special/greco/> (дата обращения: 30.09.2021).

этом согласно рейтингу ЦОО на фоне других бывших соцстран Россия в борьбе с коррупцией выглядит уверенным середнячком.

Таким образом, средняя группа стран по эффективности борьбы с коррупцией состоит из государств, менее успешных в европейской интеграции, например Румынии и ряда бывших территорий Югославии, а также государств бывшего СССР, не имевших перспектив вхождения в ЕС. При этом для второй группы стран серьезным внешнеполитическим фактором помимо Европы является соседство с Россией, с которой у многих имеются прочные экономические, культурные и военные отношения. Также важной особенностью постсоветских стран является менее негативное отношение к коммунизму и более медленные экономические реформы. В результате в обществе и правящих элитах нет твердого консенсуса о векторе развития, что сказывается и на эффективности их антикоррупционной политики.

Страны нижней группы

Группу наименее благополучных в изучаемой сфере стран составили государства центрально-азиатского региона, а также Азербайджан, Армения и Украина. Они отличаются высоким уровнем коррупции и очень осторожным внедрением западных стандартов. Для стран Центральной Азии и Закавказья причина такого положения дел заключается отчасти в особенностях национальной культуры с так называемым восточным типом коррупции, основанном на системе нерыночных патрон-клиентских отношений [Паин, Шарафутдинова, 2017: 92—93]. Однако рассмотрение истории антикоррупционных реформ указывает, что и здесь корни многих проблем лежат в трудностях трансформационных процессов.

В первое время после обретения независимости эти страны активно имплементировали международные нормы в национальное законодательство, создавали программы и институты по борьбе с коррупцией. Антикоррупционные реформы по большей части велись в нормотворчестве, а практическая реализация откладывалась на потом. Когда же подошел момент перехода от деклараций к практике, темп преобразований замедлился, стали откладываться наиболее радикальные изменения, а иногда имитировалась деятельность для сохранения отношений с Западом. Так, в 2000-е годы украинский уполномоченный по антикоррупционной политике провел единственное за несколько лет заседание своей комиссии ко Дню борьбы с коррупцией.

Страны этой группы не имели общественного консенсуса о векторе развития, не определились с отношением к прошлому и, соответственно, не сформировали реформаторские правительства и не провели эффективные реформы. Например, в Армении в правительстве и в парламенте доля бывших членов КПСС была существенно выше, чем в Грузии, а около 50 семей в Армении контролировали до 70 % национального богатства [Kupatadze, 2017]. Таким образом, в результате компромиссных решений и реформ власть и собственность оказались в руках ограниченного круга лиц, для которых теневые связи стали ключевым элементом сохранения статус-кво.

При этом нельзя не отметить и некоторые успехи стран этой группы в сфере борьбы с коррупцией. Например, в Азербайджане действует весьма активный антикоррупционный орган — Департамент по борьбе с коррупцией при Генеральной

прокуратуре, а также создана сеть современных центров предоставления госуслуг ASAN, которые высоко оцениваются экспертами [Sadigov, 2018]. Казахстан активно участвует в работе Антикоррупционной сети ОЭСР для стран Восточной Европы и Центральной Азии (OECD/ACN), а в его внутренней политике стоит упомянуть правящую партию «Нур Отан», имеющую представителей по борьбе с коррупцией во многих госорганах и выполняющую функции «партийного контроля»⁸.

Однако достижения в борьбе со взяточничеством, например в Азербайджане, часто нивелируются традиционной толерантностью к теневым связям, а также показательными наказаниями для отдельных мздоимцев или преследованием неугодных чиновников [Джабиев, 2012: 84—89]. Подобные факторы значимы и в Армении, где борьба с коррупцией долгое время не приносила заметных результатов, несмотря на формальную имплементацию международных стандартов и регулярное обновление национальной Стратегии по борьбе с коррупцией. В стране, по мнению многих экспертов, произошло сращение политической власти с бизнесом [Хачикян, 2014: 204], что в 2018 г. на волне протестов, важной причиной которых было недовольство коррупцией [Иванов, 2018: 12], привело к власти оппозиционного политика Никола Пашиняна. Вдобавок для Армении и Азербайджана росту влияния гражданского общества как барьера на пути коррупции мешает проблема Нагорного Карабаха [Melikli, 2019: 159—160].

Особняком в этой группе стоит Украина, крайне низкие позиции которой в антикоррупционных рейтингах во многом обусловлены ее развитием прежних лет. Последние законодательные и институциональные изменения в сфере борьбы с коррупцией выглядят достаточно обнадеживающе, однако результаты их практической реализации пока не ясны, что сохраняет Украину в нижней группе стран.

Таким образом, в отстающей группе имеется своя специфика транзита. Во-первых, в их внешнеполитической повестке преобладали вопросы выхода из распадающегося СССР, иногда сопровождавшегося военными конфликтами. Влияние ЕС на эти страны невелико, значительно больше они связаны с Россией, но также испытывают воздействие со стороны восточных соседей: Китая, Турции, Ирана. Во-вторых, общества и правящие элиты этих стран менее ориентированы на западные демократии и свободный рынок, поэтому их внутренняя политика более закрыта и менее способствует транспарентности и конкурентности, необходимым для эффективной борьбы со злоупотреблениями. Наконец, экономические реформы здесь зачастую проходили тяжело и привели к серьезным диспропорциям, что не позволило укрепиться среднему классу и независимому бизнесу. К этому надо добавить сырьевую специализацию многих стран этой группы. Перечисленные факторы снижают эффективность антикоррупционной политики.

Детерминанты антикоррупционной политики постсоциалистических стран

На основе проведенного анализа можно выделить взаимосвязанные группы факторов, обусловивших динамику антикоррупционной политики в изучаемых странах.

⁸ Анализ выполнения Россией рекомендаций ГРЕКО по внедрению международных антикоррупционных стандартов // Трансперенси Интернешнл. Россия. 2019. 15 марта. URL: <https://transparency.org.ru/special/greco/> (дата обращения: 30.09.2021).

Во-первых, это внешнеполитические факторы, которые влияют в числе прочего на формирование антикоррупционной повестки. Для стран — лидеров в борьбе с коррупцией важным стимулом стали требования ЕС, без выполнения которых невозможна была интеграция в европейское сообщество. Россия также выступает центром силы для своих соседей и оказывает существенное влияние на их внутреннюю политику, в том числе и в борьбе со злоупотреблениями. И если для своих западных соседей Россия представляет противовес Западу, то для азиатских республик она часто является форпостом западной культуры и образцом для заимствования политических практик. Важным внешним фактором для азиатских стран выступает Китай, проникновение которого в экономику и культуру все сильнее чувствуется, например, в Казахстане. Появляются и другие центры влияния. Например, в Азербайджане очень сдержанно относятся к идее декларирования имущества чиновников, ссылаясь на несоответствие этой западной нормы национальной культуре и приводя в пример Турцию или Иран.

Вторая важная группа факторов — внутренние политические процессы и события последних лет. Например, проведение эффективной антикоррупционной политики возможно при наличии сильного политического руководства. В этом отношении можно согласиться с выводами о том, что слабость центральной власти способствует распространению злоупотреблений [Shleifer, Vishny, 1993: 615—616]. Так, в Молдове и Украине борьба со взятками долгое время буксовала на фоне нестабильной политической ситуации и неспособности власти противостоять влиянию олигархических группировок; и, напротив, эффективные реформы в Грузии состоялись в том числе ввиду централизации власти в руках реформаторов.

Следует также указать на связь коррупции с политической нестабильностью и наличием внутренних конфликтов в стране. Так, среди государств Балтии эффективность антикоррупционных реформ оказалась выше всего в Эстонии, общество которой менее расколото по вопросу русскоязычного меньшинства, нежели общество Латвии. Обратным примером служит Македония: конфликты с албанским меньшинством и неурегулированные споры с соседями поставили ее в конец списка восточноевропейских стран в антикоррупционных рейтингах.

Положительное влияние оказывает избавление госуправления от носителей «коррупционной культуры» и создание институциональных барьеров на пути взяточников [Нисневич, 2014: 48]. Это может быть сделано в результате развития как политической конкуренции, так и специальных административных процедур, в частности люстрации и массовых увольнений. К примеру, в Грузии уровень коррупции в полиции резко упал после масштабной смены кадров и введения строгих экзаменов для полицейских [Doing Business..., 2006: 17].

К третьей группе факторов можно отнести общественную поддержку борьбы с коррупцией. В условиях реформ формируются дополнительные предпосылки для злоупотреблений, связанные с нестабильностью правил в период перемен. Для противодействия этому важен низкий уровень толерантности в обществе к неформальным отношениям. Такая ситуация имеет место, например, в Молдове, где власть постоянно подвергается критике со стороны многочисленных общественников. Активное неприятие злоупотреблений было и в Грузии. Разница состоит

в том, что в первом случае не оказалось сильной власти, способной реализовать запрос общества.

Для азиатских и закавказских государств характерна терпимость к неформальным отношениям. Например, в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане инициатором антикоррупционных шагов является скорее государство, нежели граждане. Ситуация в Армении долгое время была сходной, однако протесты последних лет, приведшие к власти Пашиняна, демонстрируют запрос в обществе на борьбу с коррупцией.

Также следует отметить важную роль в борьбе с коррупцией институтов гражданского общества. Последние помогают обеспечивать прозрачность деятельности власти и преодолевать деформации госуправления [Яжборовская, 2013: 137]. К примеру, в Румынии, которая пытается искоренить традиционные теневые связи, в крупных городах активны общественные движения по борьбе с этим явлением.

Наконец, четвертый фактор влияния на антикоррупционную политику — экономика. Незавершенность процессов рыночных преобразований, ошибки в регулировании экономики, уход компаний в серую зону — все это усиливает злоупотребления. К примеру, известна взаимосвязь между теневой экономикой и рынком коррупционных услуг [Татуев, Бородин, Шаш, 2015: 8].

Способствует взяткам и наличие влиятельных олигархов на фоне слабого политического руководства, как в Украине и Молдове. В результате того, что олигархические группы превращаются почти в субъекты власти, происходит институционализация коррупции [Клишова, Колесник, 2009: 154]. Вместе с тем и противоположная ситуация имеет негативные стороны. Так, считается, что для Беларуси негативную специфику в сфере борьбы с коррупцией привносит большая доля госсектора в экономике [Леднева, 2018: 38].

В числе экономических факторов следует выделить скорость и успех преобразований. Негативные последствия при проведении реформ могут приводить к разочарованию и откату назад в процессе модернизации в том числе и в сфере борьбы с коррупцией. Имеются эмпирические подтверждения того, что в России именно отрицательная реакция на реформы 1990-х годов сформировала в обществе патерналистские установки и замедлила развитие гражданской культуры [Gaber et al., 2019: 128—129].

Таким образом, целый ряд факторов новейшей истории оказывает существенное влияние на формирование антикоррупционной политики постсоциалистических стран.

Заключение

Существуют различные подходы к объяснению причин значительной разницы между странами в уровне коррупции и в действенности мер по борьбе с ней. В частности, подобные отличия усматривают в историко-культурном базисе, в наличии правильных институтов, в социально-экономических основаниях и т. д. Все эти факторы, безусловно, важны, однако для бывших соцстран на первый план выходят те особенности, которыми сопровождался постсоциалистический трансфер. Именно события и тенденции, имевшие место в данный период, сыграли

главенствующую роль в том, каким образом и насколько эффективно выстраивалась борьба с коррупцией в рассматриваемых странах.

Среди факторов, повлиявших на антикоррупционную политику бывших соцстран, можно выделить, во-первых, внешнеполитическую детерминанту, которая наиболее ярко выразилась в роли Евросоюза для восточноевропейских государств. Во-вторых, новейшая политическая история оказывает решающее воздействие на формирование антикоррупционных институтов. Большинство успешных в этой сфере стран — как, например, Польша, Эстония или Грузия, — имели сильное правительство и демонстрировали твердую решимость порвать с коммунистическим прошлым. Третьим фактором выступает общественный консенсус по поводу недопустимости теневых отношений в экономике и политике. Высокая толерантность традиционных обществ к коррупции и слабость гражданских структур осложнили борьбу с этим явлением в закавказских и центрально-азиатских республиках. Наконец, четвертая детерминанта — успешность экономических реформ, которые закладывают базис политической транспарентности и конкурентности в постсоциалистических странах.

Список литературы (References)

Астафьева Е. М. Борьба с коррупцией в Сингапуре: стратегия и практика // Азия и Африка сегодня. 2016. Т. 702. № 1. С. 52—59.

Astafyeva E. M. (2016) Combating Corruption in Singapore: Strategy and Practice. *Asia & Africa Today*. Vol. 702. No. 1. P. 52—59. (In Russ.)

Биткова Т. Г. Настоящее и прошлое новой политической элиты Румынии // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 188—211.

Bitkova T. G. (2017) Present and Past of the New Political Elite of Romania. *Current Problems of Europe*. No. 2. P. 188—211. (In Russ.)

Григорьев Л. М., Павлюшина В. А., Кулаева Н. М.-А., Музыченко Е. Э. Экономика Грузии: хрупкая устойчивость роста // Вопросы экономики. 2019. № 10. С. 64—84. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-64-84>.

Grigoryev L. M., Pavlyushina V. A., Kulaeva N. M.-A., Muzychenko E. E. (2019) Economy of Georgia: Fragile Economic Stability. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. P. 64—84. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-10-64-84>. (In Russ.)

Гуселетов Б. П. Становление и идентификация социал-демократических и социалистических партий стран Центральной, Восточной Европы и СНГ // Вестник МГИМО-Университета. 2011. Т. 21. № 6. С. 161—169. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-6-21-161-169>.

Guseletov B. P. (2011) Analysis of the Formation and Identification of Social Democratic and Socialist Parties in the Countries of Central, Eastern Europe and CIS. *MGI MO Review of International Relations*. Vol. 21. No. 6. P. 161—169. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-6-21-161-169>. (In Russ.)

Джабиев Р. М. Теневая экономика и коррупция в Азербайджане // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7. С. 84—91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-7-84-91>.

Dzhabiev R. M. (2012) Shadow Economy and Corruption in Azerbaijan. *World Economy and International Relations*. No. 7. P. 84—91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-7-84-91>. (In Russ.)

Иванов А. А. Конституционные основы противодействия коррупции в Республике Армения // Право и современные государства. 2018. № 4. С. 9—35. <https://dx.doi.org/10.14420/ru.2018.4.1>.

Ivanov A. A. (2018) Constitutional Framework for Anticorruption Enforcement in the Republic of Armenia. *Law and Modern States*. No. 4. P. 9—35. <https://dx.doi.org/10.14420/ru.2018.4.1>. (In Russ.)

Клишова Е. В., Колесник И. В. Особенности украинской коррупции: в контексте теории экономической рациональности // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: Экономическая. 2009. № 37—2. С. 153—157. Klishova E. V., Kolesnik I. V. (2009) Specificity of Ukrainian Corruption in Terms of the Theory of Economic Rationality. *Donetsk National Technical University Scientific Proceedings. Series: Economics*. No. 37—2. P. 153—157. (In Russ.)

Лазарев Е. А. Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 106—121.

Lazarev Ye. A. (2010) Political Corruption: Investigating the Nature of Post-Soviet Transformations. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 106—121. (In Russ.)

Леднева А. С. К вопросу обоснованности принятия новой редакции Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» // Актуальные вопросы противодействия коррупции: история, современное состояние и перспективы / под общ. ред. С. А. Куценко. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. С. 35—40.

Ledneva A. S. (2018) To the Issue of Substantiation the Groundwork of the New Wording Law of the Republic of Belarus “On the Struggle Against Corruption”. In: Kutsenko S. A. (ed.) *Topical Issues of Combating Corruption: History, Current State and Prospects*. Novosibirsk: I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the National Guard Forces Command of the Russian Federation. P. 35—40. (In Russ.)

Леков Р. В. Трансформация политического процесса в Грузии: реформа электоральной системы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2009. № 4. С. 20—29.

Lekov R. V. (2009) Transformation of Political Process in Georgia: The Reform of Political System. *RUDN Journal of Political Science*. No. 4. P. 20—29. (In Russ.)

Ли К. Ю. Сингапурская история: 1965—2000 гг. Из третьего мира — в первый / науч. ред. А. Д. Воскресенский и др.; пер. с англ. А. В. Боня. М.: МГИМО-Университет, 2010.

Lee K. Y. (2010) *The Singapore Story: 1965—2000. From Third World to First*. Moscow: MGIMO-University. (In Russ.)

Линецкий А. И. Модернизация традиционных обществ: путь к процветанию или дорога в никуда? // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 118—137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.09>.

Linetsky A. I. (2017) Modernization of Traditional Societies: A Way to Prosperity or a Road to Nowhere? *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 118—137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.09>. (In Russ.)

Медушевский А. Н. От революции к реставрации: олигархические тенденции постсоветских политических режимов // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 4. С. 155—178.

Medushevsky A. N. (2010) From Revolution to Restoration: Oligarchic Tendencies of Post-Soviet Political Regimes. *Comparative Constitutional Review*. No. 4. P. 155—178. (In Russ.)

Минаева О. Ю. Коррупция как глобальная проблема современной России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 3. С. 57—58.

Minaeva O. Yu. (2010) Corruption as a Global Problem of Modern Russia. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. No. 3. P. 57—58. (In Russ.)

Наумов Ю. Г., Артемьев Н. А. Коррупция в России и проблемы ее учета // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 23—31.

Naumov Yu. G., Artemyev N. A. (2008) Corruption in Russia and Problems of Its Accounting. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 12. P. 23—31. (In Russ.)

Нисневич Ю. А. Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 32—51. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.06.03>.

Nisnevich Yu. A. (2014) Public Power and Corruption: Socio-Anthropological Approach. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 32—51. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.06.03>. (In Russ.)

Нисневич Ю. А., Рожич П. Люстрация как инструмент противодействия коррупции // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 109—130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.01.08>.

Nisnevich Yu. A., Rozhich P. (2014) Lustration as Instrument of Counteracting Corruption. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 109—130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.01.08>. (In Russ.)

Паин Э. А., Шарафутдинова Д. Э. Множественная современность: особенности бюрократической иерархии и коррупции в обществах с клановыми традициями // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 91—103.

Pain E. A., Sharafutdinova D. E. (2017) Multiple Modernities: The Features of Bureaucratic Hierarchy and Corruption in Clan Society. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 91—103. (In Russ.)

Пылин А. Г. Экономика постсоветской Грузии: тенденции и проблемы (окончание) // Российский экономический журнал. 2013. № 2. С. 47—53.

Pylin A. G. (2013) Post-Soviet Georgia Economy: Trends and Problems (Finale). *Russian Economic Journal*. No. 2. P. 47—53. (In Russ.)

Скачков А. С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 140—151. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-140-151>.

Skachkov A. S. (2017) Historic Memory in the Political Processes of the Post-Soviet Baltic States. *Comparative Politics Russia*. Vol. 8. No. 1. P. 140—151. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-140-151>. (In Russ.)

Страхов А. П. Борьба с коррупцией в странах англосаксонской традиции (на примере Великобритании, Индии, Сингапура и США) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 470—502. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-3-470-502>.

Strakhov A. P. (2019) Combating Corruption in the Countries of Anglo-Saxon Tradition (Using Examples of Great Britain, India, Singapore and the USA). *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 21. No. 3. P. 470—502. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-3-470-502>. (In Russ.)

Суворин Э. В. Коррупция и демократия: парадоксы взаимосвязи // Социология власти. 2008. № 3. С. 113—121.

Suvorin E. V. (2008) Corruption and Democracy: Interrelation Paradoxes. *Sociology of Power*. No. 3. P. 113—121. (In Russ.)

Татуев А. А., Бородин А. И., Шаш Н. Н. Феномен современной коррупции и факторы формирования коррупционных услуг в государственном секторе // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. Т. 8. № 21. С. 2—15.

Tatuev A. A., Borodin A. I., Shash N. N. (2015) The Phenomenon of Modern Corruption and Factors for Corruption in the Public Sector. *Financial Analytics: Science and Experience*. Vol. 8. No. 21. P. 2—15. (In Russ.)

Таушер Й., Чайка Р., Болотов И. И. Детерминанты коррупции в странах Центральной и Восточной Европы // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 5—13. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.07.2013.4.5-13>.

Taušer J., Čajka R., Bolotov I. I. (2013) Corruption Determinants in the Central and East European Countries. *Actual Problems of Economics and Law*. No. 4. P. 5—13. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.07.2013.4.5-13>. (In Russ.)

Хачикян А. Э. Внедрение добропорядочности и борьба с коррупцией в Армении: текущие тенденции // Ответственность власти перед гражданским обществом: механизмы контроля и взаимодействия. Саратов, 2014. С. 203—208.

Khachikyan A. E. (2014) Promoting Integrity and Fighting Corruption in Armenia: Current Trends. In: *Authorities' Responsibility to Civil Society: Mechanisms of Control and Interaction*. Saratov. P. 203—208. (In Russ.)

Яжборовская И. С. Современное гражданское общество: опыт Новой Европы 2004—2013 гг. // Мир перемен. 2013. № 3. С. 133—148.

Yazhborovskaya I. S. (2013) Modern Civil Society: The Experience of the New Europe 2004—2013. *The World of Transformations (Mir Peremen)*. No. 3. P. 133—148. (In Russ.)

- Abbink K., Freidin E., Gangadharan L., Moro R. (2018) Effect of Social Norms on Bribe Offers. *The Journal of Law, Economics, and Organization*. Vol. 34. No. 3. P. 457—474. <https://doi.org/10.1093/jleo/ewy015>.
- Alam M. S. (1995) A Theory of Limits on Corruption and Some Applications. *Kyklos*. Vol. 48. No. 3. P. 419—435. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.1995.tb02323.x>.
- Banfield E. C. (1967) *The Moral Basis of a Backward Society*. Glencoe, IL: The Free Press.
- Barr A., Serra D. (2010) Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*. Vol. 94. No. 11—12. P. 862—869. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.07.006>.
- Börzel T., van Hüllen V. (2014) State-Building and the European Union's Fight against Corruption in the Southern Caucasus: Why Legitimacy Matters. *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. Vol. 27. No. 4. P. 613—634. <https://doi.org/10.1111/gove.12068>.
- Dimant E., Schulte T. (2016) The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective. *German Law Journal*. Vol. 17. No. 1. P. 53—72. <https://doi.org/10.1017/S2071832200019684>.
- Doing Business 2007: How to Reform. (2006) Washington, DC: The World Bank.
- Gaber E., Polishchuk L., Sokolov K., Stukal D. (2019) Chronicles of a Democracy Postponed: Cultural Legacy of the Russian Transition. *Economics of Transition and Institutional Change*. Vol. 27. No. 1. P. 99—137. <https://doi.org/10.1111/ecot.12207>.
- Gerring J., Thacker S. C. (2004) Political Institutions and Corruption: The Role of Unitarism and Parliamentarism. *British Journal of Political Science*. Vol. 34. No. 2. P. 295—330. <https://doi.org/10.1017/S0007123404000067>.
- He Z. (2000) Corruption and Anti-Corruption in Reform China. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 243—270. [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(00\)00006-4](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(00)00006-4).
- Iqbal K., Shah A. (2008) How Do Worldwide Governance Indicators Measure Up? Paper Presented at a World Bank Seminar (Washington, DC; March 26).
- Iwasaki I., Suzuki T. (2012) The Determinants of Corruption in Transition Economies. *Economics Letters*. Vol. 114. No. 1. P. 54—60. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2011.08.016>.
- Kaufmann D., Siegelbaum P. (1997) Privatization and Corruption in Transition Economies. *Journal of International Affairs*. Vol. 50. No. 2. P. 419—458.
- Kingston C. (2008) Social Structure and Cultures of Corruption. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 67. No. 1. P. 90—102. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2007.06.001>.
- Ko K., Samajdar A. (2010) Evaluation of International Corruption Indexes: Should We Believe Them or Not? *The Social Science Journal*. Vol. 47. No. 3. P. 508—540. <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2010.03.001>.

Kupatadze A. (2017) Accounting for Diverging Paths in Most Similar Cases: Corruption in Baltics and Caucasus. *Crime, Law and Social Change*. Vol. 67. No. 2. P. 187—208. <https://doi.org/10.1007/s10611-016-9658-y>.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. (1999) The Quality of Government. *The Journal of Law, Economics and Organization*. Vol. 15. No. 1. P. 222—279. <https://doi.org/10.1093/jleo/15.1.222>.

Libman A., Obydenkova A. (2013) Communism or Communists? Soviet Legacies and Corruption in Transition Economies. *Economic Letters*. Vol. 119. No. 1. P. 101—103. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.02.003>.

Melikli G. K. (2019) Political Aspects of The Civil Society and Rule of Law Formation in Contemporary Azerbaijan. *Comparative Politics Russia*. Vol. 10. No. 4. P. 157—164. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10010>.

Memoli V., Pellegata A. (2013) Electoral Systems, Corruption and Satisfaction with Democracy. XXVII Annual Conference of the Italian Political Science (Florence, Italy). P. 1—40.

Mo P.H. (2001) Corruption and Economic Growth. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 29. No. 1. P. 66—79. <https://doi.org/10.1006/jcec.2000.1703>.

Montinola G. R., Jackman R. W. (2002) Sources of Corruption: A Cross-Country Study. *British Journal of Political Science*. Vol. 32. No. 1. P. 147—170. <https://doi.org/10.1017/S0007123402000066>.

Mungiu-Pippidi A., Dadašov R. (2016) Measuring Control of Corruption by a New Index of Public Integrity. *European Journal on Criminal Policy and Research*. Vol. 22. No. 3. P. 415—438. <https://doi.org/10.1007/s10610-016-9324-z>.

Persson T., Tabellini G., Trebbi F. (2003) Electoral Rules and Corruption. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 1. No. 4. P. 958—989. <https://doi.org/10.1162/154247603322493203>.

Popescu A.-I. (2014) Corruption In Europe: Recent Developments. *CES Working Papers*. Vol. 6. No. 2a. P. 150—160.

Pring C. (2017) People and Corruption: Asia Pacific. Global Corruption Barometer. Berlin: Transparency International. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.33825.71520>.

Riley P., Roy R. K. (2016) Corruption and Anticorruption: The Case of India. *Journal of Developing Societies*. Vol. 32. No. 1. P. 73—99. <https://doi.org/10.1177/2F0169796X15609755>.

Sadigov T. (2018) Psychological Dimension of Corruption: How are Citizens Likely to Support Anti-Corruption Policies in Azerbaijan? *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 38. No. 5—6. P. 484—508. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-10-2017-0133>.

Salmon T. C., Serra D. (2017) Corruption, Social Judgment and Culture: An Experiment. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 142. P. 64—78. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2017.06.004>.

Sandholtz W., Taagepera R. (2005) Corruption, Culture, and Communism. *International Review of Sociology*. Vol. 15. No. 1. P. 109—131. <https://doi.org/10.1080/03906700500038678>.

Shleifer A., Vishny R. W. (1993) Corruption. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 108. No. 3. P. 599—617. <https://doi.org/10.2307/2118402>.

Treisman D. (2000) The Causes of Corruption: A Cross-National Study. *Journal of Public Economics*. Vol. 76. No. 3. P. 399—457. [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(99\)00092-4](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(99)00092-4).

Treisman D. (2007) What Have We Learned about the Causes of Corruption from Ten Years of Cross-National Empirical Research? *Annual Review of Political Science*. Vol. 10. P. 211—244. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.081205.095418>.